

ПИСЬМА ИЗЪ АПУЛИИ.

Brindisi. 10 іюля.

Чѣмъ далѣе углубляешься въ каблукъ итальянскаго сапога, тѣмъ очевиднѣе становится, что когда-то вся эта область была греческая. Еще до сихъ поръ въ окрестностяхъ Zollino (Martano, Martignano, Calimera, Castrignano de' Greci и Melignano) діалектъ содержитъ много чисто-греческихъ элементовъ. Но особенно ясны эти слѣды вліянія греческой жизни въ церковномъ искусствѣ тѣхъ интереснѣйшихъ пещерныхъ церквей, которыя разбросаны по всей Апуліи, Базиликатѣ и Калабріи. Встрѣчаются онѣ и въ Сициліи, но довольно рѣдко. Обслѣдованіемъ этихъ гротовъ-храмовъ я въ настоящее время и занимаюсь.

Приблизительно въ X в. южная Италія представляла византійскую провинцію, которою управлялъ *catapan*—намѣстникъ византійскаго императора. Въ 1053 году политическая зависимость южной Италіи отъ Византіи кончилась: норманды захватили эту область и жестоко расправились съ послѣднимъ катапаномъ. Однако византійскія традиціи здѣсь еще остались, населеніе называло катапаномъ нормандскаго правителя, а область Базиликатой, какъ-бы въ память ея зависимости отъ византійскаго *basileus'a*.

Греческое населеніе горной Калабріи, многочисленное еще во времена имп. Юстиніана, усилилось особенно въ концѣ IX и X вѣковъ многочисленными выходцами изъ Греціи. Среди нихъ было много монаховъ, которые основали много колоній: въ области Отранто и даже проникали на сѣверъ Базиликаты. Какъ и вездѣ, центрами этихъ греческихъ колоній были греческіе скиты и храмы, выстроенные монахами.

Съ теченіемъ времени эта область постепенно подпадала вліянію Рима, и греческіе епископы должны были уступить свое мѣсто латинскимъ прелатамъ. Естественно, конечно, что и храмы, выстроенные греческими монахами и носившіе на себѣ всѣ слѣды византійскаго искусства, приходили въ упадокъ и разрушались. Однако по мѣстамъ еще можно встрѣчать этихъ свидѣтелей бившей здѣсь ключемъ церковной жизни, которая по своему укладу представляла сколокъ церковной жизни древняго востока. Еще въ концѣ IV вѣка была перенесена на югъ Италии съ востока монашеская жизнь въ пустыняхъ. Въ V в. увеличивается число сторонниковъ жизни въ киновіяхъ. Этому способствовали вторженія варваровъ, опустошавшихъ восточныя области. Въ VIII в. множество греческихъ монаховъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Calogeri*, изъ ордена св. Василія, спасались сюда отъ преслѣдованій иконоборцевъ. Вмѣстѣ съ построеніемъ общежительныхъ монастырей въ собственномъ смыслѣ, умножались и скиты. Область Бари, Бриндизи, Отранто представляла всѣ данныя для этого. Множество естественныхъ пещеръ отъ доисторическаго прошлаго позволяли послѣдователямъ строгаго монашества находить здѣсь готовый пріютъ. Въ то же время, можно было безъ особеннаго труда легко приспособлять эти пещеры къ цѣлямъ чисто литургическимъ, потому-что туфовыя породы, въ которыхъ находились онѣ, легко поддавались обдѣлкѣ. Такія естественныя пещеры со слѣдами искусственной обдѣлки въ настоящее время сохраняются на протяженіи указанной области. Часто встрѣчается множество такихъ пещеръ въ видѣ цѣлой, одной группы. Каждая такая келлія расположена на разстояніи отъ другой, но всѣ онѣ группируются около одной большой пещеры—храма со всѣми признаками литургическаго назначенія. Обычно каждый такой пустынникъ проводилъ время въ одиночествѣ, не видясь съ другими исполнителями суроваго обѣта, только къ богослуженію всѣ собирались въ пещерный храмъ. До сихъ поръ такія группы пещеръ въ народѣ здѣсь называются *laura*.

Слѣлаю нѣсколько замѣчаній объ этихъ келліяхъ анахоретовъ въ окрестностяхъ Бриндизи.

Чаще встрѣчаются два рода ихъ. Черезъ узкій, низкій входъ (1×0.50 м.) проникаемъ внутрь пещеры. Полуциркуль-

ный потолокъ, осыпающіяся стѣнки. Стоять въ ростъ даже и среднему человѣку нельзя—высота потолока—1,15—20 м. Около 1,50×2 м. въ ширину и длину. По тремъ стѣнкамъ—глубя туфовыя-же низкія скамьи, на которыхъ лежать невозможно, за ихъ узостью, а лишь—опереться колѣнями, и въ такомъ согнутомъ положеніи проводили время молитвы эти великіе подвижники. Въ другихъ подобныхъ келліяхъ, вмѣсто скамьи, по стѣнамъ находимъ просто длинныя узкія (0,60 м.) углубленія (0,40—0,60 м.). Несомнѣнно, что и эти послѣднія также назначались для молитвеннаго стоянія. Встрѣчаются такія туфовыя пещеры очень большихъ размѣровъ. Въ разстояніи 4—5 килом. отъ станціи S. Vito dei Normanni, недалеко отъ хутора Sáfago, въ открытомъ полѣ находимъ пологіи спускъ ко входу въ громадную пещеру. Она носитъ названіе въ этой мѣстности—„sette grotte“ (семь гротовъ). Несомнѣнно, это—естественная пещера, которая послѣ, въ эпоху среднихъ вѣковъ, была утилизována восточными пришлецами-монахами. На стѣнкахъ изъ туфа, сильно обвѣтрившагося, во многихъ мѣстахъ находимъ грубые высѣченные кресты четвероконечные. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ апсиды, нишъ и т. п. По формѣ своей эта пещера представляетъ одинъ длинный корридоръ, пересѣченный по ширинѣ двумя меньшими корридорами; получается, такимъ образомъ, крестъ—, почему народъ называетъ эту пещеру также—„grotta della croce“. Въ настоящее время точное обслѣдованіе ея невозможно, потому-что почти на половину высоты она загромождена землей, иломъ. Въ весеннюю и осеннюю пору дожди наполняютъ пещеру до-верха грязной водой, потолокъ постепенно обваливается, загромождая, такимъ образомъ, еще болѣе внутреннее пространство. Однако и бѣглаго осмотра достаточно, чтобы сказать, что эти „sette grotte“ очень подходят по своему типу къ описаннымъ келліямъ, но представляютъ собою соединеніе нѣсколькихъ гротовъ, въ которыхъ находился, какъ-бы, общежительный монастырь. Если-бы очистить эту интересную пещеру отъ наноса, несомнѣнно—глазѣмъ представились-бы многія интересныя подробности архитектурныя. Въ одномъ изъ концовъ перваго поперечнаго корридора находимъ такія же скамьи для отдохновенія, какъ и въ одиночныхъ келліяхъ описаннаго выше типа.

Вверху, на поверхности, кругомъ этой пещеры находимъ невысокую, въ формѣ барьера, сильно разрушенную ограду, въ нѣкоторыхъ пунктахъ которой поставлены небольшие тесанные камни (0,75—35) съ высѣченными крестами греческаго типа.

Такимъ образомъ, эта интереснѣйшая пещера носитъ всѣ слѣды человѣческаго жилища, но безъ всякихъ признаковъ существованія въ ней литургическихъ приспособленій. Мой спутникъ, канонникъ собора въ Brindisi, Pasquale Camassa, любезно указавшій мнѣ на эту пещеру, склоненъ былъ думать, что первый длинный главный корридоръ служилъ церковью. Такъ думать заставило его то, что въ этомъ корридорѣ своды очень близки къ крестатымъ и заканчиваются какъ бы неширокимъ внутреннимъ тамбуромъ. Однако, болѣе внимательное обследованіе показало, что во всѣхъ корридорахъ можно находить слѣды такихъ-же сводовъ, а тамбуръ служить просто *люминаріемъ*. Подобный же люминарій есть и въ другомъ корридорѣ, но теперь заложенъ камнемъ.

Перейду теперь къ характеристикѣ *пещерныхъ церквей* въ собственно мѣстѣ, въ которыхъ тѣ греческіе анахореты отправляли по *греческому уставу* богослуженіе. И интересно, что до сихъ поръ память объ этомъ *греческомъ* богослуженіи сохраняется въ живой дѣйствительности въ Бриндизи. Въ Вербное Воскресеніе народъ во главѣ съ клиромъ отправляется торжественной процессіей за городъ въ одно мѣсто, которое въ простонародьи носитъ названіе *Sanna*. Послѣднее представляетъ собою небольшое, какъ-бы, плоскогорье, къ которому ведутъ каменные ступени. Въ срединѣ этой площади находится колонна съ водруженнымъ на ней крестомъ и стоящимъ предъ нею каменнымъ амвономъ. Съ противоположной стороны есть спускъ въ подземную крипту, которая нѣкогда имѣла фрески византійскаго стиля, но теперь стѣны совершенно пусты. На каменномъ амвонѣ *Sanna* канонники читаютъ Посланія Апостольскія и Евангеліе *по гречески*, сопровождая это чтеніе пѣніемъ нѣкоторыхъ стиховъ *по гречески-же*. Мнѣ не удалось точно опредѣлить время и способъ происхожденія этой *Sanna*, какъ богослуженія, но несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто обычай, практиковавшійся греческими насельниками этой области. Этимъ греческимъ выходцамъ, какъ несомнѣнно точно уста-

новлено, принадлежала въ самомъ городѣ церковь св. Бенедикта съ сохраняющимся доселѣ внутреннимъ открытымъ дворомъ съ колоннадой интереснѣйшихъ капителей (XII в.), крыта подъ ц. св. Луціи съ византийскими фресками XII—XIII вв. Имъ же принадлежала и крыта *Sanna*, гдѣ въ Вербное Воскресеніе, несомнѣнно, совершалось такое же чтеніе и пѣніе по *греческому уставу*.

Указанный обычай держится очень прочно даже и въ латинской средѣ. Интересно, что когда однажды архіепископъ г. Бриндизи Dionisio Odriscol, находя *Sanna* не соответствующей литургическому канону католической церкви, запретилъ ее, клиръ города обратился въ Римъ, и Папа постановилъ продолжать эту традицію.

Въ виду того, что подробная рѣчь о всѣхъ обследованныхъ мною многочисленныхъ гротахъ въ окрестностяхъ Bari, Monopoli, Modugno, Fasano, Brindisi, Otranto, Lecce будетъ въ специальномъ изданіи, я въ настоящій разъ остановлюсь на характеристикѣ двухъ пещерныхъ храмовъ: св. *Лаврентія* въ 2 километрахъ отъ станціи Fasano (область Bari) и св. *Власія*, находящагося въ 2—3 километрахъ отъ ст. s. Vito dei Normanni (обл. Brindisi) въ большомъ имѣніи *Iannuzzi*. Останавливаюсь на этихъ двухъ потому, что первый очень характеренъ своимъ внутреннимъ приспособленіемъ къ *литургическимъ* цѣлямъ, второй—своей *настѣнной росписью*.

Надо прежде всего замѣтить, что оба эти грота-храма находятся на частной землѣ, хотя, интересно, Главное Управленіе національными монументами въ провинціи Bari только послѣ долгаго испытанія моего терпѣнія дало мнѣ специальное разрѣшеніе на обследование ихъ съ правомъ фотографировать и зарисовывать. Содержатся они въ большомъ безпорядкѣ. Особенно это нужно сказать о гротѣ св. Лаврентія. Этотъ гротъ находится среди пахатной земли, принадлежащей крестьянскому обществу, и я съ большимъ трудомъ, послѣ долгихъ, утомительныхъ разспросовъ, могъ найти его.

Въ немъ сохранились слѣды настѣнныхъ фресокъ, и на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно отнести эти послѣднія къ XII вѣку. Что касается самаго грота, то нужно думать, что онъ—искусственного происхожденія. За это говоритъ не только самый входъ, но и, главнымъ образомъ,

внутреннее расположение. Съ юго-восточной стороны туфовой массы сдѣланъ входъ въ видѣ отверстія въ ростъ человѣка, шириной приблизительно въ 0,50 м. Рядомъ со входомъ (лѣв. стор.) есть небольшое окно, также высѣченное въ туфѣ, дающее слабое освѣщеніе внутренности храма. Пролезаемъ чрезъ порогъ входа и спускаемся на 0,50 м. Предъ нами переднее пространство храма, въ своемъ родѣ — атриумъ. Размѣры его достаточныя для пещернаго храма — 7 м. длины (сѣв.—вост. \times юго-зап.) и $4\frac{1}{2}$ ширины (сѣв.-зап. \times юго-востокъ). Наибольшая высота— $2\frac{1}{2}$ м. Потолокъ нѣсколько сводчатый, близкій даже къ сводамъ крещатымъ. Конечно, обширные размѣры грота не позволяли надѣяться на прочность потолка, и анахореты устроили *сходъ всѣхъ сводовъ* въ одинъ пунктъ, который опирается на туфовый-же столбъ неправильной формы. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно заключить, что онъ высѣченъ изъ той-же туфовой массы, какъ и весь храмъ. Отсюда, ясно, что простые монахи — строители этого храма были умѣлыми зодчими, понимавшими или угадывавшими, гдѣ будетъ наибольшій *напоръ* свободной массы, и сумѣвшими при началѣ работы высѣчь столбъ нужной величины!

По тремъ стѣнамъ въ среднемъ храмѣ были скамьи также изъ туфа, теперь почти осыпавшіяся.

Конечно, можно догадываться, что эти сидѣнія въ длину стѣнъ служили для молящихся, въ данномъ случаѣ — пустынникамъ, когда церковный уставъ требовалъ, сидя, выслушивать чтеніе каѳисмъ.

Среднее пространство храма отдѣлено отъ алтарнаго помѣщенія *иконостасомъ*. Надо сказать, что алтаремъ настоящій пещерный храмъ расположенъ былъ не прямо на востокъ, а точнѣе — *на сѣверо-востокъ*. Все алтарное пространство приподнято надъ поломъ средней части приблизительно на 0,25 м. (одна ступень).

Устройство иконостаса очень просто. Это — изъ туфа-же высѣченная стѣнка отъ пола до самаго потолка толщиной около 0,50 м. Формы она не совершенно прямой, а нѣсколько искривленной, соответственно и апсидальной стѣнкѣ алтаря.

Если среднее пространство храма стоящимъ въ центрѣ столбомъ раздѣляется какъ-бы на два нефа, то и иконостасъ

дѣлится на двѣ равныя части—лѣвую и правую, соотвѣтственно *двумъ алтарямъ*. Лѣвая часть (сѣверная) прорѣзана въ срединѣ неширокимъ, почти въ 2 м. высоты проходомъ, по лѣвую сторону котораго сдѣлано было арочное окно. Правая сторона иконостаса (восточная) имѣетъ такой-же, но болѣе узкій, проходъ съ двумя арочными-же окнами по сторонамъ.

Переходимъ въ алтарное пространство. Прежде всего бросается въ глаза, что оно крайне темное: свѣтъ поступаетъ лишь изъ маленькаго окошечка въ восточной стѣнкѣ да изъ средняго помѣщенія чрезъ проходы и окна, которыя, несомнѣнно, съ этой цѣлью и были, главнымъ образомъ, устроены въ иконостасѣ.

Алтарное пространство представляетъ собою длинный (=длиной атриума— $4\frac{1}{2}$ м.), узкій ($1\frac{1}{2}$ м.) корридоръ дугообразный, согласно формѣ иконостаса и апсидальной стѣнки. Въ немъ устроены были два престола. Интересны эти два алтаря.

Въ обоихъ по стѣнкамъ (иконостасной и апсидальной) до сихъ поръ еще сохраняются по длинѣ сидѣнія пресвитеровъ. Въ лѣвомъ алтарѣ еще сохраняется въ своей первоначальной формѣ престолъ. Онъ расположенъ въ апсидѣ на возвышеніи приблизительно въ 0.50 м, къ которому вели приступки (двѣ), устроенныя въ формѣ креста \perp , на центрѣ котораго положена еще небольшая площадка. Получается, такимъ образомъ, одна высокая площадка съ ступенями съ трехъ сторонъ. Между прочимъ, интересно отмѣтить, что за престоломъ стоять человекъ даже и *въ согнутомъ положеніи* невозможно, потому-что какъ разъ надъ площадью престола апсида дѣлаетъ циркульный загибъ. Это и доказываетъ, что служащій находился *предъ престоломъ именно противъ прохода въ иконостасъ спиной къ молящимся*.

Самый престолъ также высѣченъ изъ камня, высотой онъ—1 м., шириной и длиной— $0,70 \times 0,70$ м.

Тоже устройство мы находимъ и въ правомъ алтарѣ съ той лишь разницей, что здѣсь апсида *правильной полукруглой формы*.

Въ настоящее время престолъ этого алтаря разрушенъ, какъ разрушается и все прочее постепенно. Мало того, къ сожалѣнію нужно сказать, какіе-то интеллигентные посѣтители *выцарапали прямо на остаткахъ интереснѣйшихъ фресокъ* въ алтарѣ

свои имена, старались, очевидно, отдѣлать слой съ красками отъ стѣны и, конечно, сильно испортили самое изображение (*Δεησις*) въ абсидѣ! Дѣйствительно, настоящій интереснѣйшій гротъ совершенно открытъ, остается безъ всякаго надзора, хотя, какъ я уже говорилъ. Главное Управленіе національными монументами въ области Апуліи съ большими стѣсненіями выдаетъ разрѣшенія на обслѣдованіе пещерныхъ храмовъ...

Исторія очень извѣстная...

Итакъ, изъ этого краткаго описанія грота св. Лаврентія *Fasano* можно видѣть, что *восточный* типъ храма съ его *иконостасомъ* выдержанъ вполне въ настоящемъ случаѣ. Конечно, само собою понятно, что онъ не могъ быть, такъ сказать, туземнымъ, потому-что его главная особенность—иконостасная перегородка въ формѣ *цѣльной* стѣнки—не могла быть дана уставомъ латинскимъ. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ только *догадываться* о существованіи *зародыша* иконостаса въ извѣстныхъ римскихъ криптахъ нѣсколько ранняго времени (разумѣю, напр., „базилики“ св. Стефана, въ катакомбахъ Домитиллы, Каллиста, подъ *c. s. Crisogono*, гдѣ сейчасъ ведутся раскопки, и открыты очень интересныя настѣнные фрески), то въ гротѣ св. Лаврентія мы имѣемъ иконостасъ въ видѣ *готоваго* даннаго. И если можно датировать этотъ гротъ *десятымъ* вѣкомъ, а это—несомнѣнно, то тогда должно сказать, что до этого времени на востокъ иконостасъ считался необходимой литургической принадлежностью храма.

Правда, нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ въ настоящемъ случаѣ существованіе въ иконостасѣ (въ обѣихъ предѣлахъ) только „царскихъ вратъ“ и отсутствіе дверей сѣверной и южной. Но на это нужно *пока* отвѣтить, что, быть можетъ назначеніе этихъ послѣднихъ выполняли боковыя окна. Но окончательное рѣшеніе этого недоумѣнія можетъ быть сдѣлано только послѣ выясненія того, какими *восточными* образцами *руководствовались* греческіе монахи при *устройствѣ* настоящаго грота, и какими *именно* требованіямъ *устава* должно было *удовлетворять* внутреннее расположеніе его,

Какъ я уже упоминалъ, среднее пространство и оба алтаря грота св. Лаврентія были покрыты фресками, отъ которыхъ въ настоящее время остались незначительные фрагменты.

Впрочемъ, нужно оговориться, что, несомнѣнно, настѣнная роспись помѣщенія для вѣрующихъ относится къ значительно позднему времени, во всякомъ случаѣ не ранѣе XV в. Что же касается алтарныхъ фресокъ, то онѣ были сдѣланы не позднѣе XII в. Сохранившіяся надписи *все латинскія*.

Теперь перейду къ общей характеристикѣ настѣнной фресковой росписи этихъ пещерныхъ храмовъ южной Италіи. Въ качествѣ образца, который даетъ полное представленіе о росписи *средняго* помѣщенія (атріума), я останавливаюсь на гр. св. Власія. Этотъ гротъ находится въ 7—8 килом. отъ г. Brindisi въ имѣніи Jannuzzo одного богатаго миланца.

Нужно сказать, что вообще этотъ гротъ охраняется довольно тщательно; онъ всегда запертъ, и ключъ находится у главнаго управляющаго, очень любезнаго итальянца, который не только позволилъ мнѣ въ теченіе двухъ дней обследовать во всѣхъ отношеніяхъ данный гротъ, включая и фотографированіе всѣхъ фресокъ, но и разрѣшилъ промѣть всю настѣнную роспись для лучшаго ея обзора. Гротъ св. Власія также высѣченъ въ туфовой массѣ и достаточно обширенъ. Однако нужно сказать, что въ своемъ настоящемъ видѣ онъ представляется нѣсколько измѣненнымъ позднѣйшимъ удлиненіемъ его почти наполовину. Эта вторая, задняя, половина—безъ росписи, только передняя вся, въ собственномъ смыслѣ, покрыта въ достаточной степени сохранившимися фресками.

Фрески грота св. Власія въ наукѣ *почти неизвѣстны*, между тѣмъ, для исторіи христіанской иконографіи онѣ имѣютъ несомнѣнное значеніе. Это послѣднее обуславливается не столько ихъ сохранностью, сколько точной ихъ *датировкой*. Надъ самымъ входомъ находится полуразрушенная надпись, которая заканчивается такъ: *T̄ X̄ PE. IN. IE*, т. е.—6705 г. отъ сотворенія міра=1197 г. христіанской эры.

Итакъ, сохранившіяся фрески относятся къ XII в.!

Само собою понятно, что эта дата относится къ фрескамъ, сдѣланнымъ на словѣ, на которомъ нанесена надпись, т. е. къ видимымъ фрескамъ. Но внѣ всякаго сомнѣнія, подъ этимъ слоемъ находится такая же богатая роспись фресками болѣе ранняго времени. И во многихъ мѣстахъ подъ

облупившейся штукатуркой можно видѣть свѣжія и достаточно яркія краски.

Перехожу къ характеристикѣ фресокъ настѣнныхъ.

Въ небольшомъ простѣнкѣ между входной дверью и западной стѣнной находятся двѣ фрески. Съ правой стороны—старецъ, благословляющій по гречески. Строгое подвижническое лицо, сѣдые, въ беспорядкѣ, волосы недлинные, борода клинообразная сѣдая. Покрой одежды трудно разобрать. Во всякомъ случаѣ, это—не монастырское одѣяніе. По краскамъ видно, что нижняя одежда была синяя, верхняя красная. Надписей никакихъ не сохранилось и, поэтому, трудно сказать, кого мы имѣемъ въ настоящемъ случаѣ. Рядомъ съ нимъ, по лѣвую сторону, юноша въ желтомъ нимбѣ, съ евангелиемъ въ лѣвой рукѣ. Черные короткіе волосы. Надпись говоритъ, что это—Исихій. У ногъ этихъ двухъ святыхъ изображенъ въ треть человѣческаго роста художникъ, росписывавшій этотъ гротъ. Длинные темные волосы, зеленая одежда покроя длинной рубашки съ поясомъ. На ногахъ красные чулки и черные сапожки. Надъ головой погречески надпись: Іоаннъ. Онъ обращается съ воздѣтыми руками къ Исихію и другому, стоящему съ нимъ, святому, какъ бы прося ихъ принять его работу по росписи храма.

Далѣе, всѣ стѣнныя плоскости этого интереснаго пещернаго храма раздѣлены на четырехугольники въ величину почти 2 метровъ по діагонали и расписаны также въ томъ стилѣ, какъ и упомянутое промежуточное пространство. Последовательность изображеній здѣсь слѣдующая. Ближе къ описанной фрескѣ на западной стѣнѣ—св. Власій. Онъ изображенъ сидящимъ въ глубокой пещерѣ. Уже почтенный старецъ съ совершенно сѣдыми короткими волосами и такой-же бородой. Его верхняя одежда очень близка къ фелони съ омофоромъ. Лѣвая часть фресочной плоскости раздѣлена по высотѣ на двѣ половины: въ верхней мы видимъ какого-то правителя въ характерной одеждѣ, который посылаетъ къ пещерѣ св. Власія нѣсколькихъ воиновъ въ короткихъ рубашкахъ, небольшихъ шапочкахъ, съ копьями въ рукахъ. Въ нижней части различныя животныя и дикіе звѣри подходятъ къ пещерѣ: согласно сказанію, они приносили свят. Власію пищу въ пещеру.

По лѣвую сторону находится изображеніе св. Николая

Мирликійскаго, наиболѣе часто встрѣчающагося въ пещерныхъ храмахъ Адуліи. Это большая фреска—1,80 м. высоты. Св. Николай представленъ старцемъ. Нижняя одежда синяя, верхняя красная. На грудь и ниже спускается бѣлый омофоръ съ красными крестами. Рядомъ съ св. Николаемъ по лѣвую сторону—св. Димитрій и св. Георгій на лошадахъ. Надписи сильно пострадали, однако типы можно установить положительно. Оба на лошадахъ, съ копьями, въ воинскихъ доспѣхахъ. Серьезныя, сосредоточенныя лица съ глазами, обращенными на молящагося. И невольно здѣсь вспоминаются изображенія ихъ въ нашемъ древнѣйшемъ искусствѣ. Здѣсь даже общая условность рисунка, нѣкоторая непропорціональность отдѣльныхъ частей, но все это скрашивается какой-то особой одухотворенностью, возвышенностью, которою вѣетъ отъ всѣхъ этихъ простыхъ и нѣсколько наивныхъ формъ.

Большую часть слѣдующей стѣны занимаетъ большая фреска, изображающая Рождество Христово.

Это—наиболѣе плохо сохранившійся кусокъ росписи. Возможно также предположить, что кто-то пытался, но очень неумѣло, снять верхній слой штукатурки, чтобы обследовать слой нижній также съ слѣдами изображеній раннѣйшаго времени.

Фреска съ рождествомъ—наиболѣе характерна для стѣнной росписи грота св. Власія своей близостью къ византійскимъ созданіямъ иконописцевъ. Въ самомъ верхнемъ полѣ фрески находятся пастыри виледемскіе въ характерныхъ короткихъ рубашкахъ съ поясами и посохами. *Греческая* надпись объясняетъ это явленіе ангела. Далѣе, въ среднемъ полѣ фрески мы находимъ Богоматерь, сидящую въ пещерѣ въ нѣсколько оригинальной позѣ: лѣвой рукой Она подперла голову, какъ-бы задумавшись, въ правой держитъ *бѣлый платочекъ*. У ея ногъ происходитъ сцена омовенія Младенца женщинами въ особой круглой купели. Немного въ сторонѣ сидитъ св. Іосифъ, также въ задумчивой позѣ. Къ сожалѣнію, сцена омовенія наиболѣе пострадала и нѣтъ возможности точно установить детали. Съ лѣвой стороны Богоматери была какая-то сцена—б. м. явленіе волхвовъ, однако за несохранностью сказать положительно трудно.

Далѣе, въ портикѣ изображены — св. еп. Сильвестръ, со-

временникъ Константина Великаго, и архидіаконъ Стефанъ.

На еп. Сильвестръ надѣта роскошная фелонь изъ голубой вышитой парчи. Нижняя туника красная съ узкими рукавами. Благословляетъ по гречески. Въ лѣвой рукѣ держитъ евангеліе. Рядомъ съ нимъ—св. Стефанъ. Молодое доброе лицо, живые глаза. Одѣтъ въ красный вышитый далматикъ. Въ лѣвой рукѣ книга, въ правой кадило. Съ лѣваго плеча спускается широкій орарь.

Этимъ изображеніемъ заканчивается роспись настѣнная грота св. Власія. Но особенно хорошо сохранились фрески на потолокъ. Несомнѣнно, что онѣ относятся къ болѣе раннему времени, чѣмъ фрески настѣнныя. Во всякомъ случаѣ ихъ можно датировать XI в. или первой половиной XII в.

Весь потолокъ расчлененъ на пять большихъ площадей четырехугольныхъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія изображенія.

1) *Пантократоръ*. Старецъ съ длинными сѣдыми волосами. Онъ въ медальонѣ на красномъ фонѣ. Правой рукой благословляетъ по гречески, въ лѣвой держитъ раскрытую книгу. Хитонъ на Немъ красноватый съ узкими рукавами, гиматій—синій. Справа отъ медальона—телець и орелъ въ въ желтыхъ нимбахъ, серафимъ съ ногами, закрытыми крыльями, и какой-то пророкъ съ свиткомъ. Греческая надпись совершенно стерта. Съ лѣвой стороны медальона—ангелъ и левъ, также съ нимбами. Далѣе—серафимъ того-же типа и прор. Даніиль съ свиткомъ.

2) *Благовѣщеніе*. Богоматерь стоитъ около трона съ красной подушкой. На Ней темносиняя или-же черная нижняя одежда съ рукавами узкими, верхняя—красная. Правой рукой дѣлаетъ жестъ отрицанія, въ лѣвой держитъ веретено. Надъ лѣвымъ ухомъ слетаетъ св. Духъ въ видѣ голубя. У ея ногъ медальонъ съ изображеніемъ пр. Исаи съ свиткомъ. Архангелъ Гавріиль—молодой юноша съ темными красивыми волосами, въ которыхъ видны тороки. Правой рукой дѣлаетъ жестъ разговора съ Богоматерью, въ лѣвой у него—посохъ. Вся эта сцена написана очень живо и сохранилась лучше всѣхъ фресокъ въ этомъ гротѣ.

3) *Бѣгство въ Египетъ*. Центръ сцены занимаетъ Богоматерь на бѣлой очень уродливой лошади. Ея маѳорій и верх-

няя одежда краснаго цвѣта, нижняя — синяго. Передъ Ея лицомъ медальонъ съ ангеломъ, какъ-бы указывающимъ путь. Передъ лошадю идетъ, ведя ее за узду, Іаковъ — братъ Господень, Юноша въ короткой вышитой туникѣ. На плечѣ посохъ съ мѣшочкомъ и какъ-бы кружкомъ сыра. За лошадю идетъ св. Іосифъ — старецъ, съ короткими сѣдыми волосами, въ простой рабочей рубашкѣ съ поясомъ. У него на шеѣ сидитъ Младенецъ, спустивъ ножки по плечамъ. Онъ въ простой бѣлой или голубой рубашечкѣ. Нимъ крещатый.

Ясно само собою, насколько интересна описанная композиція. Здѣсь мы встрѣчаемъ элементы, какихъ иконографія не знала.

4) *Срътеніе.*

Въ центрѣ изображенъ пр. Симеонъ, держащій на рукахъ Младенца. Предъ нимъ большая купель, куда онъ хочетъ погрузить Христа. Съ лѣвой стороны стоитъ Богоматерь, къ Которой младенецъ Іисусъ протягиваетъ ручки. За Нею пр. Іосифъ въ простой рабочей одеждѣ держитъ въ рукахъ клѣтку съ голубицами. Съ правой стороны за Симеономъ видимъ пр. Анну, съ особеннымъ умиленіемъ взирающую на совершающееся. Вся сцена при всей строгой выдержанности византійскаго стиля передана очень живо и полна чувства.

5) *Входъ Господень въ Іерусалимъ.*

Эта фреска наиболѣе сильно пострадала отъ близости къ выходу, — и теперь трудно установить всѣ подробности и первоначальныя краски.

Спаситель возсѣдѣтъ на бѣлой ослицѣ, правой рукой дѣлая жестъ рѣчи или благословенія по гречески. Передъ Нимъ на деревѣ сидитъ юноша безъ бороды и усовъ, внимательно всматриваясь въ Грядущаго. За Спасителемъ идутъ толпой ученики, а у самыхъ вратъ города встрѣчаетъ народъ и два важныхъ фарисея.

Итакъ, вотъ-что представляетъ собою иконная роспись пещернаго храма св. Власія (обл. Бриндизи).

Со стороны идейно-художественной эти фрески представляютъ лучшее выраженіе византійскаго иконнаго письма, и было-бы необходимо сохранить ихъ въ цѣлости. Однимъ изъ такихъ средствъ сохранить это древнее письмо я счи-

талъ-бы скопированіе ихъ для строящейся Православной церкви въ г. Бари. Было-бы возможно ознакомить тѣхъ иконописцевъ, которые будутъ въ ней работать, съ этими фресками, чтобы они воспользовались данными въ нихъ мотивами и, такимъ образомъ, сохранили и для вѣрующихъ, и для ученыхъ замѣчательное письмо XII вѣка.

Н. Протасовъ.
